

На правах рукописи

Козырев Геннадий Иванович

**«Жертва» как феномен
социально-политического конфликта**
(теоретико-методологический анализ)

Специальность 23.00.02 – политическая теория, этнополитические конфликты,
национальные и политические процессы и технологии (социологические науки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Москва
2008

Работа выполнена на кафедре социологии РХТУ им. Д.И. Менделеева

Официальные оппоненты: Дмитриев Анатолий Васильевич,
член-корреспондент РАН

Адилова Людмила Федоровна,
доктор политических наук, профессор

Чугров Сергей Владиславович
доктор социологических наук, профессор

Ведущая организация: Российская академия государственной
службы при Президенте РФ

Защита состоится 23 декабря 2008 г. в 15 часов на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212. 198. 09 при Российском государственном гуманитарном университете по адресу: 125993, Москва, Миусская пл., дом 6, корп. 6, ауд. 206.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Российского гуманитарного университета

Автореферат разослан ноября 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук

Буланова М.Б.

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования обусловлена широкомасштабными и динамичными изменениями, происходящими в России и в современном мире, социальной и политической нестабильностью, появлением новых субъектов политики, претендующих на власть и ресурсы, возникновением новых форм социальных противоречий и политических конфликтов. В этой связи в социальной и политической жизни российского общества, как и в других странах, происходят весьма неоднозначные трансформации, для изучения которых требуются новые методологические подходы.

В этих условиях множатся проявления социально-политических конфликтов: глобальные, затрагивающие интересы народов всего мира; региональные, создающие социально-политическую напряженность в отдельных регионах; межнациональные, нарушающие состояние различных наций и этносов; внутригосударственные, которые в своем развитии влияют на социальное положение социальных групп и общностей.

В этом многообразии социально-политических конфликтов особое звучание приобретает проблема жертвы, которая, не будучи ни одной из сторон конфликта, является невольным его участником, страдающей стороной, вовлеченной в процесс, который происходит независимо от ее желания.

Более обстоятельный анализ сущности, содержания и динамики социально-политических конфликтов показывает, что в научных разработках представителей всех социальных наук, в том числе и социологии, недостаточно уделяется внимания этому феномену, при котором жертвой конфликта становятся социальные группы, общности, движения, отдельные индивиды.

Актуализация проблематики «жертвы» вызвана многими причинами. В постсоветской России появились *жертвы либерализации экономики, приватизации, дефолта, жертвы терроризма* и др. «Жертвами» объявляют себя большие социальные группы (социальные слои, этносы, нации). Однако и понятие «жертва» не однозначно. Нередко жертвами считают себя государства, которые участвовали в конфликтах между различными международными (в том числе и военными) блоками, объявляя себя, например, «жертвами советской оккупации».

На политическом поле конструируются различные образы «жертв», которые используются как социальные и политические идентификации. По сути, посредством формирования и актуализации «образа жертвы» (жертвы-страны, жертвы-народа, жертвы-группы и др.) идет процесс конструирования новой со-

циально-политической реальности. Субъекты, конструирующие виртуальные образы жертв, претендуют на реальные компенсации. Роль (функция) «жертвы» становится одной из доминирующих в общественных отношениях и конфликтах.

Такая трактовка жертвы мало чем отличается от традиционной ситуации взаимоотношений между участниками конфликта, который нередко заканчивается тем, что одна из сторон становится вольной или невольной, полной или неполной «жертвой». Поэтому мы концентрируем внимание на **принципиально** новой трактовке жертвы – т.е. характеристики тех условий, причин и следствий, в результате которых жертвами становятся субъекты, не принимающие участия в социально-политическом конфликте.

В мировой и российской социальной и политической науке и практике накопилось немало проблем, так или иначе связанных с реальными жертвами социально-политических конфликтов и одновременно с целенаправленно конструируемыми их образами. Между тем, ни в зарубежной, ни в отечественной политической социологии данная проблема не находит теоретических обоснований и практически апробированных решений.

Степень научной разработанности проблемы. Общей теоретической основой исследования социально-политического конфликта являются, прежде всего, труды классиков философской и социологической науки, которые в той или иной степени разработали основные концепции этого феномена. Это труды К. Маркса, Л. Гумпловича, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, М. Вебера, П.А. Сорокина, Г. Моска, В. Парето и др.¹

Со второй половины XX века в рамках социологического подхода в исследовании конфликта разрабатываются определенные направления и концепции, формируется общая теория конфликта. Значительный вклад в исследование теории и методологии конфликта внесли Л. Козер, Т. Парсонс, С. Липсет, Р. Дарендорф, К. Боулдинг, Т.Р. Й. Галтунг, Гарр, А. Л. Крисберг, Турен, Ю. Хабермас, Ж.-М. Денкэн, Т. Шеллинг и др.²

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991; Зиммель Г. Конфликт современной культуры. - Пг., 1923; Маркс К. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 3; Гумплович Л. Социология и политика. М., 1895; Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990; Сорокин П.А. Социология революции. / Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992..

² Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000; Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерки политики свободы. М., 2002; его же. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5; Boulding K. Conflict and Defence. A General Theory. N V., 1962; Galtung J. Strukturelle Gewalt. Beitrage zur Friedens – und Kon-

В современной российской науке можно выделить следующие основные направления исследования социально-политического конфликта: *социологическое, политологическое, психологическое*. В последние годы усилился интерес к анализу еще одного направления - *этнополитических* конфликтов. Для нашего исследования интерес представляют, прежде всего, социологическое и политологическое направления.

Различные аспекты социального конфликта и отдельных его видов исследуются в трудах российских ученых: Е.В. Александрова, А.Я. Анцупов, Е.М. Бобосов (Минск), Ф.М. Бородин, О.Н. Громова, А.В. Дмитриев, А.К. Зайцев, Ю.Г. Запрудский, А.Г. Здравомыслов, Д.П. Зеркин, Н.М. Коряк, В.Н. Кудрявцев, С.В. Кудрявцев, С.Л. Прошанов, В.П. Ратников, М.Н. Руткевич, В.А. Соколов, Е.И. Степанов, Т.Н. Сулимова, В.Н. Шаленко, А.И. Шипилов и др.³

Исследование политического конфликта в различных формах его проявления проводятся как в рамках политической социологии, так и в рамках политической конфликтологии. Оба эти направления представлены в трудах: Л.Ф. Адитовой, И.А. Василенко, Л.Н. Вдовиной, Н.М. Великой, А.В. Глуховой, Д.П. Зеркина, Б.В. Коваленко, М.М. Лебедевой, Л.Н. Никовской, А.С. Панарина, Э.А. Пронина, В.П. Пугачева, О.А. Рыжова, Л.Н. Тимофеевой, Ж.Т. Тощенко, Н.И. Чувашовой, А.Н. Чумикова, Д.Н. Фельдмана, П.А. Цыганкова⁴. В рамках

fliktsforschung. – Reinbek bei Hamburg, 1975; Gapp Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб., 2005; Krisberg L. Sociology of Social Conflict. New Jersey: Prentice-Hall, 1973, XIV; Крисберг Л. Мир-созидание, мир-сохранение и разрешение конфликтов // Социс. – 1990. – № 11; Турен А. Возвращение человека действующего. Очерки социологии. М., 1998; Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М., 2007.

³ Александрова Е.В. Социально-трудовые конфликты: пути разрешения. М., 1993; Бородин Ф.М., Коряк Н.М. Внимание: конфликт! Новосибирск, 1984.; Громова О.Н. Конфликтология. М., 1993; Запрудский Ю.Г. Конфликтология. Ростов н/Д, 2001; Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1994; Дмитриев А.В. Социальный конфликт: общее и особенное. М., 2002, Дмитриев А.В., Кудрявцев В.Н., Кудрявцев С.В. Введение в общую теорию конфликтов. М., 1993; Прошанов С.Л. Становление социологии конфликта в России. Автореферат...доктора социол. наук. М., 2007; Конфликтология /Под ред. В.П. Ратникова. М., 2002; Основы конфликтологии /Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1997, Соколов С.В. Социальная конфликтология М., 2001; Степанов Е.И. Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы (по результатам исследовательских проектов). – М., 1996; его же. Отечественная конфликтология: современное состояние и задачи // Конфликтология – теория и практика. СПб. 2003. № 1.

⁴ Адитова Л.Ф. Имидж лидера в современных политических практиках. Алма-аты, 2002; Василенко И.А. Политические переговоры. М., 2007. Глухова А.В. Типология политических конфликтов. Воронеж, 1997; Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика. М., 2000; Зеркин Д.П. Основы политологии: курс лекций. Ростов н/Д, 1996; Коваленко Б.В., Пирогов А.И., Рыжов О.А. Политическая конфликтология. М., 2002; Лебедева М.М., Юрченко В.М. Политическая конфликтология. Краснодар, 2000; Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: Подходы, решения, технологии. М., 1997; Никовская

этнополитических исследований эти проблемы изучали В.А. Авксентьев, А.Р. Аклаев, Н.В. Божко, Л.М. Дробижеева, А.М. Ерохин, В.Н. Иванов, Г.С. Котанджян, Н.Р. Маликова, Е.А. Нарочницкая, Э.А. Паин, А.- Х.А. Султыгов, В.А. Тишков и др.⁵

В современной отечественной конфликтологии и политологии наблюдается активизация социально-психологического направления. В качестве представителей этого направления можно назвать следующих исследователей: А.Г. Асмолов, Н.В. Гришина, Г.Г. Дилигенский, М.С. Мириманова, А.П. Назаретян, Н.Н. Обозов, Д.В. Ольшанский, А.И. Пирогов, Б.И. Хасан, В.Е. Христенко, Е.Б. Шестопаи и др.⁶

«Жертва» как социальный феномен в процессе жертвоприношения, в определенной мере исследовалась в рамках социальной антропологии. В качестве представителей антропологического направления можно выделить работы таких ученых как Ю.М. Бородай, Рене Жирар, С. Московичи, М. Мосс, Дж. Фрз-

Л.И. Трансформация в России в контексте социального конфликта. М., 2003. – Ч.1, 2; ее же. Конфликтное измерение политической трансформации в России. автореф. дис. д-ра социол. наук. – М., 2004; Пронин Э.А. Социально-политические конфликты современности. теоретические модели и национальная практика: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2004; Пугачев В.П. Политология. М., 2001; Тимофеева Л.Н. Политическая конфликтология. М., 1996; Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М., 2008; Чувашова Н.И. Социально-политические конфликты в российском обществе. Архангельск. 2005; ее же. Структура и динамика социально-политического конфликта в современном российском обществе. автореф. дис. д-ра полит. наук. М., 2007; Чуников А.Н. Управление конфликтом. М., 1995; Фельдман Д.М. Политология конфликта. М., 1998; Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2002.

⁵ Авксентьев В.А. Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. 1996. № 12; Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. М., 2005; Божко Н.В. Этнополитические конфликты в современном мире. Воронеж. 2004; Социология межэтнической толерантности / Под ред. Л.М. Дробижеевой. М., 2003; Ерохин А.М. Этнополитические процессы в системно-структурной трансформации российского общества: автореф. дис. ... д-ра социол. наук – М., 2004; Иванов В.Н. Россия: Социально-политическая ситуация (национальный и региональный аспект). М. 2000; Котанджян Г.С. Введение в этнопологию консенсуса – конфликта. – М., 1992; Маликова Н.Р. Межнациональное общение: Взаимодействие в согласии и конфликте: автореф. дис. ... д-ра социол. наук – М., 1993; Нарочницкая Е.А. Этнополитические конфликты и их разрешение (политические теории и опыт Запада). М., 2000; Паин Э.А. Этнополитический маятник. М., 2004; Тишков В.А. Этнология и политика. М., 2001; его же. Кризис понимания России. – М., 2006.

⁶ Асмолов А.Г. Толерантность: различные парадигмы анализа // Толерантность в общественном сознании России. М., 1998, Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб., 2000; Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. Издание 2-е. М., 1996, Мириманова М.С. Конфликтология. Издание 2-е. М., 2004; Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. СПб., 2004; Обозов Н.Н. Психология конфликта и способы его разрешения. Л., 1991; Ольшанский Д.В. Психология террора. М., 2002; Пирогов А.И. Политическая психология. М., 2005; Хасан Б.И. Психотехника конфликта и конфликтная компетентность. Красноярск, 1996; Шестопаи Е.Б. Политическая психология. Издание 2-е. М., 2007.

зер⁷. Само понятие «жертва» в той или иной мере рассматривается в рамках такой науки, как виктимология, и такого научного направления как психология насилия – К. Бассиони, Б. Беттельхейм, Д. Майерс, И.Г. Малкина-Пых, Д.В. Ольшанский, Л.В. Франкл, В.Е. Христенко⁸.

Понятие «жертва» также используется в отечественном и международном праве. При этом к жертвам отнесены различные категории граждан, пострадавших в результате насильственных действий.⁹

Что касается социологического анализа жертвы в конфликтном взаимодействии сторон, и процесса ее конструирования, то эта проблема ни в отечественной, ни в зарубежной социологии фактически не рассматривалась. Сложившаяся ситуация обусловила цель нашего исследования.

Основной целью исследования является выявление теоретико-методологических оснований исследования такого феномена как жертва социально-политического конфликта, ее сущности, содержания и особенностей проявления в современных условиях в России и в мире, в также анализ целенаправленного конструирования «жертвы» в конфликтном взаимодействии сторон.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

- анализ основных концепций социально-политического конфликта и выявление их теоретической и методологической значимости;
- выявление сущности, специфики жертвы социально-политического конфликта;
- анализ причин появления жертвы в социально-политическом конфликте;
- обоснование типологии жертвы;

⁷ Бородай Ю.М. Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. М., 1996; Жирар Рене. Насилие и священное. / Пер. с фр. М., 2000; Московичи С. Машина, творящая богов. / Пер. с фр. М., 1998; Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. / Пер. с фр. М., 1996; Фрэнсер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. / Пер. с англ. – 2-е изд. М., 1986.

⁸ Бассиони К. Воспитание народовбийц / Пер. с нем. СПб., 1999; Беттельхейм Б. Люди в концлагере. / Психология господства и подчинения. Мн., 1998; Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1998; Малкина-Пых И.Г. Психология поведения жертвы. М., 2006; Ольшанский Д.В. Психология террора. М., 2002; Франкл Л.В. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972; Христенко В.Е. Психология поведения жертвы. Ростов-н/Д., 2004.

⁹ Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций юридического факультета Брюссельского университета. М., 2000.

- выявление факторов и условий трансформации «жертвы» в субъекты социально-политического конфликта;
- анализ форм и методов целенаправленного конструирования «жертвы» в конфликтном взаимодействии сторон;
- классификация конструируемых типов «жертв»;
- анализ процесса формирования образа врага как реакции на появление жертвы;
- рекомендации по использованию авторской концепции исследования социального конструирования «жертвы» в реальных социально-политических конфликтах и конфликтных ситуациях.

Объект исследования: Социально-политический конфликт как форма взаимодействия субъектов общественных отношений.

Предмет исследования: Жертва как феномен социально-политического конфликта.

Рабочая гипотеза. Приступая к исследованию такого феномена как жертва социально-политического конфликта, мы исходили из того, что:

- в современных социально-политических конфликтах растет объем и количество вовлекаемых в конфликт людей, которые, не принимая непосредственного участия в конфликте, становятся его реальными жертвами;
- в ходе развития конфликта жертва может превратиться в субъект конфликтного взаимодействия, т.е. стать одной из конфликтующих сторон;
- в социально-политической практике нередко возникают ситуации, когда в результате целенаправленного конструирования, реальная сторона конфликта может позиционироваться как «жертва». Такое конструирование «жертвы» представляет собой один из способов манипуляции общественным мнением, искажения истинного положения.

Теоретические и методологические основы исследования.

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составляют *теория социального действия*, так как социально-политический конфликт – это, прежде всего, конфликтные действия противоборствующих сторон; *функционализм Р. Мертона*, который дает представление о возможности разграничивать «функции» и «дисфункции», а также выявлять «явные функции» и «латентные функции» тех или иных элементов структуры; *теория конструирования социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана*, которая позволяет выявлять и описывать основные этапы и механизмы

конструирования «жертвы» в социально-политическом конфликте; *конструктивистский структурализм П. Бурдьё*, который дает представление о факторах, условиях и механизмах целенаправленного конструирования «жертвы» в социально-политическом конфликте, а также об интересах, целях и ресурсах, которые имеют субъекты, конструирующие те или иные типы «жертв».

Эмпирическую базу исследования составляют:

- результаты опросов общественного мнения, проводимых ВЦИОМ (2003 – 2008 гг.); по общероссийской выборке (1600 человек в более чем 150 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России);
- результаты опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» 9 – 10 декабря 2006 г. в 100 населенных пунктах 44 областях, краях и республиках России методом интервью по месту жительства. Выборка – 1500 респондентов;
- результаты опросов, проводимых ИСПИ РАН в режиме мониторинга «Как живешь, Россия?» по квотно-пропорциональной выборке в 12 регионах РФ в 1994 – 2008 гг.;
- результаты исследования, проведенного Левада-Центром (сентябрь 2005 г., выборка - 1600 человек) по инициативе Фонда «Общественный вердикт»;
- результаты исследования, проведенного Левада-Центром (сентябрь 2006 г., выборка - 2100 человек) по программе «Человек недовольный»;
- результаты опроса молодежи (от 16 до 30 лет), проведенного Левада-Центром в ноябре 2006 г., выборка - 1750 человек;
- результаты анализа и интерпретации материалов, опубликованных в различных средствах массовой информации (СМИ) в 1998 – 2008 гг.;

Чтобы проверить возможность применения авторской концепции был проведен анализ реальных социально-политических конфликтов и конфликтных ситуаций, имевших место в России и в мире в 1998 – 2008 годах.

Научная новизна и основные положения диссертации, выносимые на защиту.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в авторской концепции трактовки понятия «жертва» и целенаправленного ее конструирования в социально-политическом конфликте:

1. Исследование структуры социально-политического конфликта позволило выявить роль «косвенной стороны» в возникновении и динамике конфликта, и в положении жертвы в конфликте.

2. В социологическую теорию вводится понятие «жертва», дается его теоретическое и методологическое обоснование. Жертва - это пострадавшие в ходе конфликтных действий субъекты (социальные группы, общности, люди), не принимающие непосредственного участия в конфликте и признанные в качестве жертвы «значимыми другими».

3. Определена классификация типов жертвы социально-политического конфликта: 1) случайная жертва, 2) жертва некомпетентности, (неправильного расчета), 3) жертва как цель, 4) жертва как средство, 5) жертва как цель и средство, 6) жертва как акт возмездия врагу. Выявлена роль жертвы в возникновении, динамике и урегулировании социально-политического конфликта.

4. Выявлены факторы и условия трансформации жертвы в субъект социально-политического конфликта: эмоционально-психологические, социальные (структурные), политические, мобилизационные, экзистенциальные.

5. Разработаны концептуальные подходы к анализу социального конструирования «жертвы» в социально-политическом конфликте: причины, условия, механизмы конструирования различных типов «жертвы».

6. Разработана следующая классификация конструируемых типов «жертвы»: жертва-герой, жертва-потеря, жертва-трагедия, жертва-страна, жертва-нация, жертва по принадлежности, многофункциональная жертва, абстрактная жертва.

7. Выявлены и описаны следующие этапы и механизмы социального конструирования «жертвы»: актуализация «жертвы» конфликта, «приватизация» «жертвы», героизация «жертвы», гуманизация «жертвы», институционализация «жертвы», историзация (мифологизация) «жертвы», объективация «жертвы», легитимация «жертвы», сакрализация «жертвы», реализация образа «жертвы» в социальных и политических практиках.

8. Выявлена обусловленность формирования образа врага появлением жертвы. Разработана следующая классификация оснований, на базе которых происходит формирование различных образов врага: традиционные; социально-психологические; целерациональные; ценностно-рациональные; ситуационные; конъюнктурные; манипулятивные; исторические и др. Определены следующие функции формируемого образа врага: целедостижительные, инстру-

ментальные, «разоблачительные» (разоблачающие антигуманную сущность врага), функции внутренней консолидации стороны конфликта.

9. На основе анализа реальных конфликтных ситуаций показаны возможности их управления посредством конструирования и реализации определенного типа «жертвы».

Теоретическое и практическое значение результатов исследования.

В диссертации разработаны новые концептуальные положения о жертве в социально-политическом конфликте. Предложенные теоретические и методологические подходы могут способствовать формированию более четкого концептуального и понятийного аппарата для дальнейших исследований структуры и динамики социально-политического конфликта.

Полученные теоретические выводы, методические разработки и рекомендации могут содействовать совершенствованию деятельности социальных и политических институтов, общественных движений, государственных структур в решении насущных проблем российского общества и в урегулировании международных проблем.

Материалы диссертации могут быть использованы в учебном процессе, а также на специальных курсах повышения профессиональной квалификации.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования апробированы в следующих формах:

- опубликованы три монографии: «Конфликтный социум» (2006); «Политический конфликт: общее и особенное» (2007); «Жертва» в социально-политическом конфликте» (2008); статьи в научных журналах и сборниках объемом более 35 п.л.;

- выводы и положения работы представлялись автором на трех Всероссийских социологических конгрессах (Москва 2003; Москва 2006; Москва 2008); на 2-й Международной конференции «Образование и устойчивое развитие» (Москва 2004); на Всероссийской научно-практической конференции «Управление корпоративной безопасностью в малом и среднем бизнесе и образовании» (Москва 2004); на 6-м Международном форуме информатизации «Общественное развитие и общественная информатизация» (Москва 1997); на конференции «Будущее России и новейшие социологические подходы (Москва 1997); на 5-м Международном форуме по информатизации МИФИ-96 (Москва 1996); на Всероссийской научной конференции «Человек в научной и философской картине мира XXI века (Курск 1996); на Научно-практической конферен-

ции по межвузовской научно-технической программе «Университеты России» (Москва 1995); на Международной научной конференции «Актуальные теоретические вопросы строительства социализма» (Веспрем, Венгрия 1988); на VIII Международной теоретико-методологической конференции «Интеллигенция в диалоге культур» (Москва, 2007).

Результаты диссертационного исследования использовались в учебном процессе при преподавании курсов «Социология конфликта», «Конфликтология» на кафедре социологии РХТУ им. Д.И. Менделеева (1995 - 2008 гг.), на социологическом факультете РГГУ (2006 - 2008 гг.), на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова (2005 – 2008 гг.), а также при написании учебника: «Основы конфликтологии» (2007), и учебных пособий: «Введение в конфликтологию» (1999); «Политическая конфликтология» (2008).

- Диссертация обсуждалась на кафедре социологии РХТУ им. Д.И. Менделеева и на кафедре политической социологии РГГУ.

Структура диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, включающих 11 параграфов, заключения, библиографии и приложения.

II. Основное содержание работы

Во *введении* обосновывается актуальность избранной темы, рассматривается степень ее разработанности, определяется объект и предмет исследования, определяются цели и задачи диссертации, указываются теоретические и методологические основы исследования, формулируются рабочие гипотезы, раскрывается научная новизна и практическая значимость работы, формы апробации материалов диссертации.

Первая глава **«Теоретико-методологические основания исследования социально-политического конфликта»** включает три параграфа.

В первом параграфе *«Сущность и особенности социально-политических конфликтов»* автор рассматривает социально-политический конфликт как одну из разновидностей социального конфликта. По его мнению, социальный конфликт - это открытое противоборство, столкновение двух и более сторон взаимодействия, причинами которого являются несовместимые цели потребности, интересы и ценности. Основной особенностью социально-политического конфликта является то, что он совмещает в себе признаки как социального, так и политического конфликтов, и в то же время имеет определенные отличия от них. Отличие внутригосударственного социально-

политического конфликта от собственно политического, по мнению автора, состоит в том, что в его задачи не входит захват и удержание власти, по крайней мере, со стороны социальных субъектов. Власть (государственные органы, должностные лица) здесь рассматривается лишь как причина возникших социальных проблем и/или как способ (средство) для достижения желаемых социальных целей. Следовательно, объектом (предметом) социально-политического конфликта является не власть как таковая (или не только власть), а конкретные социальные проблемы, для решения которых и возникают политические отношения – отношения по поводу их эффективности и/или легитимности. Отличие социально-политического конфликта от социального состоит в том, что он охватывает не только социальную, но и политическую сферу. Международные конфликты по своей сути являются социально-политическими, т.к. во-первых, в конфликтное противоборство вовлекаются как политические, так и социальные и экономические акторы, во-вторых, причинами их возникновения являются национальные, социальные, экономические и др. интересы.

Социально-политический конфликт может возникнуть: 1) в результате трансформации социального конфликта в социально-политический, например, когда социальные проблемы, лежащие в основе конфликта, затрагивают жизненно важные интересы больших социальных групп, и для их решения необходимо использовать политические методы борьбы; 2) в результате вовлечения в политический конфликт широких социальных слоев. Таким образом, социально-политический конфликт – это столкновение (противоборство) двух и более субъектов (сторон), которые осуществляют несовместимые общественные интересы, цели и ценности, непосредственно или опосредованно связанные с политической (государственной) властью. Субъектами и участниками социально-политических конфликтов могут быть, преследующие свои интересы социальные и политические акторы (государства, общественные и политические организации и движения, социальные общности и др.). В качестве основных видов социально-политических конфликтов автор выделяет следующие: межгосударственные и международные, внутригосударственные, локальные.

Во втором параграфе *«Основные концепции и направления исследования социально-политического конфликта»* рассматриваются этапы возникновения и развития представлений о социальном конфликте, анализируются различные «авторские» подходы и концепции в трудах известных мыслителей и ученых.

Например, о естественном характере противоречий, о необходимости институционализации общественных отношений, о социальном неравенстве как причине конфликта. Так, Н. Макиавелли (1469 – 1527) в своих трудах одним из первых обосновал социальную природу политического конфликта («мудрые государи принимают все меры к тому, чтобы не ожесточать знать и быть угодным народу») и поднял вопрос о целях и средствах в политической борьбе. Анализ и сравнение трудов Т. Гоббса (1588-1679) и Ж. Ж. Руссо (1712 – 1778), по мнению автора, позволяет понять истоки двух основных подходов в общей теории конфликта - субъективного и объективного. Так, если Гоббс видит основные причины социальных конфликтов преимущественно в субъективных свойствах и качествах человека, то Руссо считал, что источником конфликтов и войн между людьми является не их «скверная внутренняя сущность», а недостатки в организации общественной жизни, т.е. объективные причины. Возникновение и развитие социологии в XIX – начале XX века способствовало развитию теории *социального конфликта*. В научный оборот вводятся новые термины и понятия, разрабатываются новые концепции и парадигмы. Например, такие понятия, как «консенсус» (Конт), «аномия» (Дюркгейм), «этноцентризм» (Гумплович), «мы-группа», «они-группа» (Самнер) и др., становятся в теории конфликта ключевыми. В этот период также возникают и развиваются теории: «классовой борьбы» (Маркс), «социального действия» (Вебер), «конкуренции» (Парк) и др. Благодаря трудам Л. Козера, Р. Дарендорфа, К. Боулдинга и др., во второй половине XX века исследование конфликтов получает новый импульс, и приобретает форму самостоятельного научного направления.

В качестве основных научных теорий, концепций и методов, которые могут быть использованы для анализа социально-политического конфликта, автор рассматривает следующие: *теорию социального действия, функционализм Р. Мертона, теорию конструирования социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана, конструктивистский структурализм П. Бурдьё.*

Политический конфликт – это, прежде всего, конфликтные действия противоборствующих сторон, поэтому в исследовании этих действий существенную помощь, по мнению автора, может оказать *теория социального действия*. В классической социологии исследователи выделяют два основных подхода, две точки зрения на мотивацию социального действия. Первый подход содержится в работах Э. Дюркгейма (1858-1917), второй – М. Вебера (1864 – 1920). По мнению Э. Дюркгейма, деятельность и поведение человека жестко

детерминированы внешними объективными факторами (социальной структурой, социальными отношениями, культурой и др.). М. Вебер, напротив, придавал субъективный смысл социальному действию. Начало нового этапа в развитии теории социального действия связано с трудами известного французского социолога Алена Турена (1925). По мнению Турена, в условиях индустриального и постиндустриального общества различные социальные движения создают проблемные поля и социальные конфликты и сами делают свою историю. Если раньше противники могли апеллировать к «представителю метасоциального порядка», то теперь такие стабилизирующие факторы исчезли, и вместо мира в обществе центральное место занимают социальные конфликты. Основными субъектами социально-политического конфликта становятся не классы и партии, а *общественные движения*. При этом они уже не нуждаются в посредниках в лице политических партий и других политических институтах. В условиях быстрого развития средств информации и коммуникации роль посредников существенно снижается. Социальные действия общественных движений *непосредственно* приобретают политический характер и направлены против государства (политической системы) как главного политического оппонента.

Функционализм Р. Мертона (1910 – 2003), по мнению автора, позволяет исследовать отдельные элементы структуры социального конфликта не только с точки зрения их функциональной значимости, способствующей поддержанию «социального порядка» (по Парсонсу), но и как дисфункциональные явления, возникающие в следствие конфликтных противоречий. Разграничение *функций и дисфункций* дает возможность выявлять многогранность жертвы как социального феномена и конструируемого образа, способствует изучению жертвы как элемента социально-политического конфликта, который может рассматриваться одной стороной конфликта с точки зрения его функциональной значимости, а другой - восприниматься как «дисфункция». Кроме *явных функций*, те или иные элементы социальной структуры (по Мертону) могут иметь и *латентные функции*. Это положение позволяет выявлять «явные функции» и «латентные функции» тех или иных элементов в структуре конфликта, а также определять истинные мотивы субъектов, конструирующих определенные типы «жертв» в социально-политическом конфликте.

Теория конструирования социальной реальности П. Бергера (1929) и Т. Лукмана (1927), по мнению автора, позволяет выявлять и описывать основные этапы и механизмы конструирования образа жертвы в социально-политическом

конфликте. Она в наиболее доступной форме описывает основные положения конструирования социальной реальности от простых форм взаимодействия до создания социальных институтов и их объективации. Этот процесс представляет собой объективацию субъективных действий и смыслов, т.е. превращение их в упорядоченную реальность повседневной жизни. При этом выделяется роль языка, который, представляя собой систему объективированных знаков, позволяет накапливать и воспроизводить знания, а также выходить за пределы повседневной реальности. Процесс конструирования социальной реальности предполагает и формирование определенных *идентичностей*. Социальный конструктивизм Бергера и Лукмана, по мнению автора, представляет интерес, прежде всего, с точки зрения детального описания последовательности всех этапов конструирования социальной реальности (хабитузация, институционализация, историзация, объективация, легитимация, интернализация, идентификация), а также интерпретации основных понятий. Можно предположить, что и процесс конструирования «жертвы» также будет проходить многие из названных этапов социального конструирования.

Конструктивистский структурализм Бурдьё (1930 – 2002), по мнению автора, дает представление о факторах, условиях и механизмах целенаправленного конструирования «жертвы» в социально-политическом конфликте, а также интересах, целях и ресурсах, которыми обладают субъекты, конструирующие те или иные образы жертв. В самом общем виде теория Бурдьё может быть представлена следующим образом: **(габитус) x (капитал) + поле = социальные практики**. *Габитус* представляет собой систему приобретенных предрасположенностей, предназначенных для функционирования в качестве структурирующих структур. *Капитал* представляет собой реальные и потенциальные ресурсы и возможности людей в определенной сфере деятельности. *Социальное поле*, с одной стороны, представляет собой логически мыслимую структуру определенной сферы деятельности, с другой – это реальные институты и отношения. При этом на каждом поле доминируют те агенты, которые обладают соответствующим видом капитала. *Социальные практики* – это процесс реализации возможностей агентов поля. Социальный мир, по Бурдьё, это не только объективная реальность, но и способы её восприятия, которые также содержат «конструктивный акт». Таким образом, социальное поле становится полем символической борьбы, а социальные практики – производством

символической продукции. Под понятие такой «символической продукции» подпадает и целенаправленно конструируемая «жертва».

Конструирование и интерпретация политических практик в современном мире (по Бурдьё) невозможно без соответствующих дискурсов, которые являются важнейшими агентами политической коммуникации. Возникновение и функционирование дискурсов в современном мире невозможно без СМИ. Поэтому целенаправленное конструирование социальной реальности предполагает использование СМИ как одного из важнейших институтов социального конструирования.

В третьем параграфе *«Место жертвы в структуре социально-политического конфликта»* автор обосновывает предложенную им структуру социально-политического конфликта и определяет возможные положения жертвы в структуре конфликта. По его мнению, описательная статичная структура социально-политического конфликта включает в себя следующие элементы:

- две и более стороны (субъекта) конфликта;
- объект (предмет) конфликта;
- жертва (как вероятностный элемент структуры);
- косвенные стороны (как вероятностный элемент структуры);
- третья сторона (как вероятностный элемент структуры);
- окружающая социальная среда (социально-политическое поле).

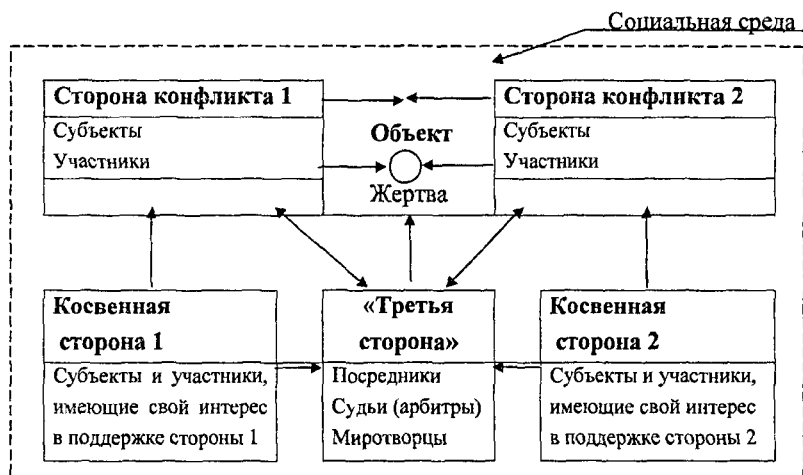
В целом структура социально-политического конфликта может выглядеть следующим образом: (рис. 1).

Каждая противоборствующая сторона, по мнению автора, может включать в себя: субъектов, участников, сторонников, «группы поддержки», «пятую колонну», внутреннюю оппозицию и др. То есть всех, кто в силу тех или иных причин и обстоятельств оказался «по одну сторону баррикады», и кто является (считается) сторонником определенного конфликтующего субъекта. При этом роль субъекта в формировании стороны конфликта и в самом конфликте является определяющей. Участники конфликта – это индивиды, группы, организации, институты, принимающие участие в конфликте на стороне того или иного субъекта.

Объектом (предметом) социально-политического конфликта могут быть социальные и политические интересы, ценности и ресурсы.

Рисунок 1

Структура социально-политического конфликта

Жертва социально-политического конфликта – это пострадавшие в результате конфликтных действий противоборствующих сторон люди, которые не принимают непосредственного участия в конфликте. На рис. 1 жертва занимает промежуточное положение между двумя противоборствующими сторонами. Это вариант, когда жертва не имеет отношения ни к одной из воюющих сторон, например, пострадавшие в результате конфликта жители нейтральной страны. Другой вариант, когда жертва имеет определенные отношения к одной из воюющих сторон, например, когда пострадавшие в результате конфликта – мирные граждане воюющей страны. В этом случае, положение жертвы в структуре конфликта может сместиться, и она займет место в структуре «пострадавшей» стороны. В социально-политическом конфликте возможен вариант, когда жертвы «по принадлежности» могут иметь место в структуре каждой из противоборствующих сторон, и одновременно может иметь место «нейтральная жертва». Немаловажными являются вопросы о том, в результате насильственных действий какой стороны появились жертвы, кого пострадавшие (и другие) считают виновным в появлении жертв, у кого они ищут защиты? От ответов на эти вопросы также зависит положение жертвы в структуре конфликта.

Третья сторона конфликта может включать в себя посредников, судей, миротворцев и др. Основная функция третьей стороны – тем или иным образом способствовать разрешению конфликта.

Вводимое автором понятие *«косвенная сторона конфликта»* может иметь сложную структуру, включающую в себя следующие составляющие: латентных субъектов (организаторов-сценаристов) конфликта, подстрекателей, провокаторов, спонсоров и др. Суть деятельности «косвенной стороны» заключается в том, чтобы добиваться своих целей, формально не принимая непосредственного участия в том или ином конфликте. Кроме того, обладая необходимыми экономическими, политическими и иными ресурсами, «косвенная сторона» может подготовить и спровоцировать необходимый ей конфликт «в нужное время» и «в нужном месте». «Косвенная сторона», как правило, воздействует на конфликт опосредованно: 1) оказывает всестороннюю помощь одной («своей») стороне конфликта; 2) создаст осложнения для противостоящей стороны; 3) оказывает давление на третью сторону для того, чтобы в процессе урегулирования конфликта принимаемые решения отвечали интересам «косвенной стороны». Она может также войти в состав третьей стороны и играть там доминирующую роль, и таким образом контролировать процесс урегулирования конфликта, добиваться принятия выгодных для себя решений. В особых случаях, когда способы опосредованного влияния на конфликт не приносят желаемого результата, «косвенная сторона» может «скинуть маску» и принять непосредственное участие в конфликте в качестве реального субъекта. Организуемые и провоцируемые «косвенной стороной» конфликты могут быть всего лишь тактической операцией в более крупном стратегическом противостоянии (противоборстве) политических «тяжеловесов».

Под средой развития социально-политического конфликта автор понимает условия, в которых зарождается и развивается социально-политический конфликт. На изменение параметров пространства политической борьбы могут оказывать влияние те или иные стороны конфликта, например, локализуя конфликт или вовлекая в него новых участников.

Предложенная автором структура конфликта (рис. 1) дает представление о сложной системе конфликтного взаимодействия сторон и о наличии «жертвы» в структуре конфликта. В ходе развития конфликта и/или в ходе целенаправленного конструирования сторонами образа «жертвы», жертва может стать основным предметом конфликта.

Вторая глава «Жертва» в социально-политическом конфликте: **сущность, содержание, типология** состоит из четырех параграфов.

Первый параграф «Понятие «жертва»: социологическое измерение» Ввиду отсутствия специальных социологических исследований, посвященных такому феномену как «жертва» в социально-политическом конфликте, автор анализирует, как определяется сущность этого явления в таких научных направлениях как: *социальная антропология (этническая культурология), виктимология, отечественное и международное право*. Кроме того, автором были проанализированы возможные случаи появления жертв в результате конфликтных действий сторон.

Сам термин «жертва», по мнению автора, происходит из обряда жертвоприношения, в котором жертва представлялась как искупительный дар или плата определенным трансцендентным силам за их благосклонность к людям, приносящим жертву. В этом случае жертва представляется как некий эквивалент обмена между реальными и мифическими субъектами «взаимодействия». Если обряд жертвоприношения рассматривать как способ урегулирования (предотвращения) конфликта между людьми и определенными трансцендентными силами, то жертва становится заместительным объектом виртуального конфликта. В межплеменных конфликтах акт жертвоприношения нередко использовался для предотвращения распространения взаимного насилия и нормализации отношений между сторонами. Но здесь уже акт жертвоприношения выполняет не только функции *замещения*, но и функции «*возмещения*» (компенсации) нанесенного другой стороне ущерба. Таким образом, в условиях отсутствия судебной системы, решались проблемы восстановления справедливости, и подтверждалась готовность продолжать добрососедские отношения. При этом жертва играет двойственную роль: первая связана с установлением и поддержанием отношений с другим субъектом (урегулирование внешнего конфликта); вторая – с внутригрупповой идентификацией людей, приносящих жертву. Исследование явных и латентных функций «жертвы» в обряде жертвоприношения, по мнению автора, позволяет сделать следующие выводы: 1) во взаимодействии жертва занимает промежуточное положение, т.е. не является ни одной из сторон взаимодействия (сторон конфликта); 2) сторона, приносящая жертву, вправе рассчитывать на равноценный ответный дар. Неоплаченная жертва может привести стороны к конфликту; 3) нахождение заместительной жертвы и совершение акта жертвоприношения над ней, способствуют обузданию насилия

и предотвращению конфликтов внутри социальной общности; 4) общая жертва способствует идентификации людей, приносящих жертву.

Виктимология (от лат. *victima* – жертва и греч. *logos* – учение) исследует, прежде всего, состояния и факторы, способствовавшие превращению человека в жертву целенаправленного насилия или несчастного случая. Эта наука исследует, прежде всего, различные свойства, качества и состояния человека, которые повышают вероятность его превращения в жертву. «Жертва» в виктимологии – это пострадавший в результате целенаправленного насилия или несчастного случая человек, нередко сам способствовавший превращению себя в жертву. Опыт исследования «жертвы» в виктимологии, по мнению автора, дополняет наше представление о жертве следующими аспектами: 1) дает представление о социально-психологических основаниях появления жертвы в социально-политическом конфликте; 2) дает представление о фрустрационных механизмах трансформации жертвы в субъект социально-политического конфликта; 3) позволяет считать жертвами не только реально пострадавших людей, но и тех, которые ощущают себя потенциальной жертвой возможного насилия (возможных террористических актов).

Понятие «жертва» используется также в отечественном и международном праве. В отечественной юридической теории и практике под «жертвой» понимается человек (сторона) пострадавший в результате действий другого (другой стороны). В политической терминологии и в юридической теории и практике также существует понятие «жертва политических репрессий», под которое попадают люди, признанные Верховным Судом Российской Федерации (СССР) невинно пострадавшими в результате неправомерных действий государственных (политических) органов власти. Такое представление о жертве способствует пониманию того, что жертва – это невинно пострадавшие люди, которые не представляли реальной угрозы своим посягателям.

Что касается международного права, то в Женевских конвенциях и в Дополнительных протоколах регламентируется право жертв на получение помощи, а также право и обязанность воюющих государств и третьих стран оказывать помощь жертвам. При этом, к жертвам отнесены следующие категории граждан: раненые, больные и лица, потерпевшие кораблекрушение, будь то гражданские лица или военнослужащие; гражданское население, затронутое конфликтом, которому угрожает голод; заложники, депортированное гражданское население, люди, незаконно содержащиеся под стражей, вынужденные переселенцы (беженцы) и др. Приведенный перечень лиц, по мнению автора, дает

общее представление о том, кого следует считать пострадавшим в ходе вооруженного конфликта и кому необходимо оказывать гуманитарную помощь. Однако в международном праве нет однозначного определения понятия «жертва». Нет и четких разграничений между такими понятиями как «жертва», «потеря», «пострадавший».

В эпоху войн жертвами становятся жители захваченных городов и поселений поверженных и еще воюющих сторон конфликта, т. е. люди, имеющие какое-то отношение к противоборствующей стороне, но не принимающие прямого участия в конфликте и не представляющие непосредственно никому угрозу. Жертва, как правило, не вооружена и беззащитна перед участниками конфликта. В широком смысле под понятие «жертва» подпадают не только люди, лишенные жизни, но и подвергшиеся другим видам насилия. При этом важно чтобы фактическое наличие жертв получило формальное признание со стороны «значимых других».

Рассмотренные выше представления о жертве, по мнению автора, позволяют выделить несколько критериев определения понятия и сути такого феномена как жертва в социально-политическом конфликте:

1) пострадавшие – люди, подвергшиеся насилию, в результате которого им причинен определенный ущерб;

2) пострадавшие, которые непосредственно не причастны к конфликту, в результате которого они пострадали, т.е. не являются конфликтующей стороной (субъектом, участником);

3) пострадавшие, которые не представляли непосредственной угрозы своим посягателям. Жертва не вооружена и беззащитна перед конфликтующими сторонами;

4) наличие жертвы в конфликте предполагает выявление виновных (посягателей, агрессоров) в ее появлении и принятию мер по их наказанию и возмещению причиненного ими ущерба. «Неоплаченная» жертва может привести стороны к новому конфликту;

5) общая жертва способствует идентификации и мобилизации людей на борьбу с посягателем (виновником ее появления). Общая жертва также может стать причиной или предлогом для формирования образа врага, виновного в ее появлении;

б) пострадавшие, признанные жертвами со стороны «значимых других»;

7) жертвами могут быть признаны не только реально пострадавшие в результате насилия люди, но и те, которые ощущают себя потенциальной жертвой возможного насилия (например, возможных террористических актов);

8) в ходе развития социально-политического конфликта жертва может трансформироваться в его субъект.

На основании приведенных критериев автор формулирует определение понятия «жертва». Итак, *жертва социально-политического конфликта – это пострадавшие в результате конфликтных действий противоборствующих сторон люди, которые не принимают непосредственного участия в конфликте и признанные в качестве пострадавших «значимыми другими».*

Во втором параграфе «Причины появления жертвы в социально-политических конфликтах» автор анализирует причины их возникновения, затем причины и виды насилия в конфликтах, и как следствие – появление жертвы. Все многообразие причин возникновения внутригосударственных социально-политических конфликтов, по мнению автора, можно свести к четырем основаниям: 1) Ущемление базовых социально-экономических и политических интересов значительной части населения страны или социальных групп и общностей. 2) Различия в оценках, ценностных ориентациях, целях, представлениях по поводу политического и социально-экономического развития общества (различия политических культур). 3) Борьба между различными социальными слоями и группами интересов за власть и ресурсы в обществе (конфликт политических интересов). 4) Процессы идентификации граждан, осознание ими своей принадлежности к определенным социальным, этническим, религиозным и другим общностям и конфронтация с другими группами (конфликт идентичности). Причинами возникновения международных социально-политических конфликтов являются несовместимые социальные и политические интересы и ценности сторон.

В основе насилия, по мнению автора, лежат стремление к господству и доминированию над другими, а также борьба за жизненные ресурсы, в том числе и за власть. В узком смысле насилие ассоциируется с нанесением человеку физических и моральных травм. В широком смысле под насилием понимается любой ущерб (физический, моральный, психологический, идеологический и др.), или любые формы принуждения в отношении социальных групп и индивидов. Автор анализирует различные подходы к типологизации насилия и выделяет следующие его виды: *прямое, структурное, «культурное»* (по Галтунгу) и *символическое*. Особое внимание при этом уделяется политическому насилию

как особой форме принуждения, которая дает возможность людям, обладающим властью, подчинять своей воли тысячи и миллионы других людей. Политическое насилие может иметь различные основания и преследовать различные цели, но основной целью политического насилия является борьба за власть и властные отношения. Таким образом, стремление к господству и доминированию одних людей, может превращать других в *жертвы*.

В плане конструирования новой социальной реальности (в том числе и образа жертвы), особый интерес представляет такой вид насилия как *символическое насилие*. В качестве одного из примеров символического насилия П. Бурдьё считает «претензии на легитимное манипулирование категориями восприятия».¹⁰ Когда обладающий монополией на символический капитал актор навязывает обществу свое видение мира и интерпретирует те или иные события, исходя из своих интересов и таким образом детерминирует поведение людей. Особенность символического насилия заключается в том, что оно является не очевидным, «незаметным», но при этом оно становится причиной многочисленных реальных и мнимых «жертв».

В третьем параграфе «*Типологизация «жертвы»*» автор разрабатывает классификацию жертв на основании причин появления реальных жертв в конфликте. Он выделяет следующие основания:

1) *Случайная жертва* – появившаяся в результате непреднамеренных по отношению к пострадавшим действий конфликтующих сторон или стечения обстоятельств.

2) *Жертва некомпетентности*, неправильного расчета, неверно выбранной стратегии решения задач или ведения «боевых» действий.

3) *Жертва как цель в конфликтном взаимодействии сторон или одностороннем насилии*. 3.1. Посягательство (насилие, убийство, геноцид), совершенное для овладения имуществом или жизненным пространством жертвы. 3.2. Жертва как способ уничтожения потенциальных врагов; как способ предотвращения возможного возмездия за причиненное ранее насилие. 3.3. Жертва как способ нанесения противнику материального и морального ущерба. 3.4. Жертва как способ уничтожения ненавистного этноса, носителей иной религии или идеологии.

4) *Жертва как средство в конфликтном взаимодействии сторон или одностороннем насилии*: 4.1. Жертва как демонстрация силы и акция устрашения

¹⁰ Бурдьё П. О телевидении и журналистике / Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики. М., 2002. С. 124.

реальных и потенциальных противников, для достижения своих целей. 4.2. Жертва как косвенный объект нападения, как форма ведения войны террористическими методами. 4.3. Жертва как способ вынудить противника выполнить те или иные требования посягателя. 4.4. Жертва как способ привлечь внимание общественности к какой-то проблеме или, наоборот, отвлечь внимание от реальных проблем на второстепенные (мнимые). 4.5. Жертва как способ нагнетания социальной (политической) напряженности в обществе, направленной против политического режима. 4.6. Жертва как способ дискредитации в глазах мировой общественности политического лидера страны, политического режима. 4.7. «Заместительная (назначенная) жертва». Во внутригрупповом конфликте для снижения социальной напряженности нередко используется метод поиска «козла отпущения». 4.8. «Символическая жертва» как одна из форм социального и политического обмена (захват, казнь заложников, высылка дипломатических работников)

5. Жертва как цель и средство в конфликтном взаимодействии сторон или одностороннем насилии. В данную категорию входят жертвы, которые одновременно сочетают в себе основания 3 и 4. Например, для установления посягателем своей неограниченной власти в стране, регионе, мире (мировое господство), он может уничтожать тех, кто этому препятствует, и принуждать тех, кто готов смириться с его волей. Суть такого насилия заключается в том, что потенциальную жертву ставят перед выбором: или ты переходишь на нашу сторону (принималешь нашу веру), или мы тебя уничтожим. Более мягкий вариант, когда за «предательство» предлагается определенное вознаграждение, а за отказ – определенные санкции.

6. Жертва как акт возмездия врагу. В данном случае также имеет место жертва как средство и как цель в конфликтном взаимодействии сторон или одностороннем насилии, обусловленная прежними обидами и эмоционально-психологическими факторами.

«Жертву» также можно классифицировать по наименованию конфликта или иного события в результате которого появилась эта жертва, например: «жертвы второй мировой войны», «жертвы наводнения», «жертвы сталинских репрессий», «жертвы приватизации» и др. По характеру причиненного жертве ущерба выделяют следующие виды жертв: убитые, раненые, беженцы, вынужденные переселенцы, заложники, депортированные, и др.

В четвертом параграфе «*Факторы и условия трансформации «жертвы» в участников и субъектов конфликта*» автор выявляет и анализирует следующие

щие механизмы трансформации «жертвы» в участников и субъектов конфликта: *Эмоционально-психологические механизмы* – внутреннее эмоциональное состояние страха, гнева и раздражения, как реакция на фрустрацию, трансформируется во внешнюю агрессию. При этом стихийная агрессия в ходе своего «развития» может приобретать различные формы организованного целенаправленного насилия. *Социально-психологические механизмы* – эмоционально-психологическое состояние у психологически устойчивых людей трансформируется в потребность и готовность к рациональным действиям, как реакция критического отношения к произошедшим событиям. *Социальные (структурные) механизмы* – основаны, прежде всего, на неравномерном распределении социальных благ в обществе, произошедшем в результате значительных структурных изменений. Суть этих механизмов во многом объясняет теория относительной депривации. *Политические механизмы* – в результате значительного изменения в расстановке политических сил у «жертвы» (социальной группы, класса, нации, государства) появляется возможность потребовать у своих обидчиков возмещения ранее причиненного ущерба и восстановления справедливости. *Мобилизационные механизмы* – некая третья сила способствует пробуждению самосознания «жертвы» и мобилизации людей на защиту от посягателей. *Экзистенциальные механизмы* – основываются на страхе потерять свою идентичность, раствориться среди других, более успешных и значимых, на страхе быть призраемым за свою несостоятельность, в окружении других, на страхе и нежелании ощущать себя жертвой, на страхе, быть уничтоженным, на желании мстить за униженное достоинство.

Третья глава **«Конструирование «жертвы» в социально-политическом конфликте»** состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе *«Причины и основания конструирования «жертвы» и классификация конструируемых типов жертвы»* автор выявляет и обосновывает причины конструирования тех или иных типов «жертв» и разрабатывает их классификацию. Под *причинами* автор понимает различные факторы, которые побуждают стороны конфликта целенаправленно конструировать «жертву». Под *основаниями* – необходимые условия, являющиеся предпосылкой конструирования «жертвы».

Автор исходит из того что, выявляя причины и основания конструирования тех или иных типов «жертвы», можно определять реальные интересы, цели и намерения сторон в конфликтном взаимодействии. Кроме того, конструирование определенного типа «жертвы» можно рассматривать как один из спосо-

бов создания управляемого конфликта. Основной причиной конструирования «жертвы», по мнению автора, является стремление субъекта, конструирующего определенный тип «жертвы», создать выгодную для себя конфликтную ситуацию для достижения поставленных целей.

Конструируемый тип (образ) «жертвы», должен отражать реальные и мнимые характеристик жертвы и отвечать целям и задачам той или иной противоборствующей (противостоящей) стороны. В зависимости от преследуемых целей, по мнению автора, сторона конфликта может конструировать следующие типы «жертвы»:

- *Жертва-герой* – индивид (группа), проявивший в экстремальной ситуации мужество, героизм, самопожертвование ради достижения социально значимых целей, но в период своей гибели (казни) был беззащитен перед своими посягателями.
- *Жертва-потеря* – данный тип жертвы показывает, прежде всего, количество понесенных той или другой стороной конфликта людских потерь и утрату жизненно важных материальных ценностей.
- *Жертва-трагедия* – с одной стороны, данный тип жертвы характеризует безысходность и тяжесть понесенной утраты, с другой – предопределенность (фатальность) произошедшего события. Нередко ощущение фатальности привносится в образ «жертвы-трагедии» прямыми и косвенными виновниками случившегося, для того, чтобы уйти от ответственности за произошедшее событие и/или за тяжесть его последствий.
- *Жертва-спирани (жертва-нация)* – такой тип жертвы появляется тогда когда имеет место насилие, направленное на целую страну (народ, этнос), или когда сама страна пытаются представить себя как жертву.
- *Жертва по принадлежности* – люди, пострадавшие (считающие себя пострадавшими) только из-за того, что принадлежат к определенной социальной группе (классу, этносу, расе, религиозной общности и пр.).
- *Многофункциональная жертва* – тип «жертвы», который конструируется для «выполнения» различных функций, например, использоваться и как «жертва-герой», и как «жертва-утрата», и как «жертва-потеря» и др.
- *Абстрактная жертва* – определенная категория пострадавших (страдающих) людей, которая поддается лишь приблизительной идентификации. Например, *советский народ* – жертва тоталитарного режима, *граждане еврейской национальности* – жертвы антисемитизма. Такой тип (об-

раз) жертвы может существовать длительный период времени и актуализоваться по мере необходимости.

В ходе конструирования сторонами тех или иных типов «жертв», между ними может возникнуть конфликт по поводу конструируемых образов («конфликт интерпретаций»). Например, одна сторона конфликта может позиционировать себя в качестве «жертвы», а другая считать ее посягателем.

«Жертва», по мнению автора, конструируется для реализации следующих задач: идентификации людей на основе их отношения к «жертве»; созданию образа врага, который повинен в посягательстве на жертву; консолидации людей на борьбу с идентифицированным врагом; воспитанию новых героев, готовых пожертвовать собой (воспитание пассионарности); детерминации поведения людей в критической ситуации; образ «жертвы» также становится элементом культуры, вокруг которого формируются свои ритуалы, обычаи, традиции. Социальная значимость конструируемой «жертвы» зависит от следующих факторов: 1. Масштаба события, в котором появилась «жертва». 2. Масштаба задач, которые решаются в ходе конструирования «жертвы». 3. Числа сторонников (сочувствующих) конструируемой «жертвы». 4. Актуальности решаемой проблемы для стороны конфликта и для общественности. 5. Степени актуализации проблематики «жертвы» в различных средствах информации.

Во втором параграфе *«Этапы и механизмы конструирования «жертвы»* автор обосновывает предложенную им концепцию конструирования «жертвы». Под этапом автор понимает определенное мероприятие («операцию») по конструированию «жертвы», которое предполагает совокупность целенаправленных действий по приданию образу «жертвы» какой-то качественной определенности, например, этап институционализации «жертвы». Каждый этап имеет свою условную последовательность в общем процессе конструирования, свои временные границы от начала операции до ее завершения, свои специальные приемы и методы достижения поставленной цели. Под механизмами автор понимает применяемые стороной конфликта в процессе конструирования «жертвы» приемы, методы, способы и виды деятельности.

По мнению автора, процесс конструирования «жертвы» предполагает проведение следующих этапов:

Актуализация жертвы конфликта – проведение мероприятий по приданию проблеме важного, злободневного характера, которая требует незамедлительного решения.

«Приватизация» жертвы - стремление показать, что «невыполнимую» утрату в лице «жертвы», понесла конкретная сторона конфликта.

Героизация жертвы – наделение «жертвы» качествами положительного героя, который и в обычной жизни проявлял незаурядные способности, демонстрировал смелость, принципиальность, честность и др., и в экстремальных условиях вел себя достойно. Герой – это идеал, к которому надо стремиться.

Гуманизация жертвы - придание «жертве» определенных свойств и качеств, которые подчеркивали бы ее жизнелюбие и добрые отношения к окружающим: «он так любил жизнь», «он всем желал добра», «все они были мирными жителями».

Институционализация жертвы - проведение периодически повторяющихся мероприятий: почтения памяти «жертвы», возложение цветов к памятным местам, закрепление её образа в официальных символах, агрибутах, памятниках, памятных знаках, нормативных документах, общественном сознании. По мнению автора, необходимо учитывать различия, существующие между естественным процессом институционализации и целенаправленной «принудительной» институционализацией. Первая является результатом «типизации опривыченных действий» (по Бергеру и Лукману), на основании которых естественным образом формируются правила и нормы. Вторая, как правило, начинается с создания официальных правовых актов, регламентирующих поведение людей. Суть целенаправленной институционализации конструируемой «жертвы» заключается в том, чтобы на официальном уровне закрепить создаваемый образ жертвы, придать ему общенародную и государственную значимость, обеспечить образу государственную и общественную поддержку и защиту.

Историзация (мифологизация) жертвы - создание истории конструируемой «жертвы». Она может создаваться как на основании реальных событий и фактов, так и на основании вымыслов (мифов). Необходимость мифологизации возникает в том случае, если история реальной жертвы не соответствует преследуемым стороной конфликта целям и задачам, или такой жертвы не было вообще. Следовательно, создавая или разрушая те или иные мифы (образы) можно переписывать историю.

Объективация жертвы - процесс, в результате которого субъективно конструируемая «жертва» приобретает свою собственную реальность, устойчивость и повторяемость в сознании и поведении людей. Объективированный образ должен восприниматься как изначальная данность социального мира.

Легитимация жертвы – признание целесообразности и правомерности институционализированного образа. На уровне общества речь идет об общественном признании «жертвы» и правомерности отдания ей соответствующих почестей. На международном уровне речь идет о международном признании наличия «жертвы» и ее значимости. Например, непризнание каким-либо государством жертв холокоста расценивается международным сообществом как осквернение памяти всех погибших во время второй мировой войны. В некоторых странах отрицание холокоста преследуется в уголовном порядке.

Сакрализация жертвы - придание конструируемой «жертве» символического, священного смысла. Если в конструировании «жертвы» принимает участие церковь, то «жертва» дополнительно наделяется статусом святомученика. Сакральный образ жертвы или какой-то её символ становятся основным элементом определенных обрядов, ритуалов, культовых действий.

Сакрализация «жертвы» как бы завершает процесс вхождения конструируемого образа в институциональную систему и в культуру социума и увеличивает влияние «жертвы» на социализацию и поведение людей.

Реализация образа «жертвы» в социальных и политических практиках
Целенаправленно конструируемая «жертва», как «социальный продукт», по мнению автора, предполагает двойное назначение. Во-первых, как элемент социальной реальности и как социальный институт она оказывает влияние на социализацию и ресоциализацию людей в обществе (социальной общности), которое считает жертву «своей». Во-вторых, «жертва», как эквивалент социального обмена, с древнейших времен позиционирует людей на тех, кто принес жертву, и на тех, кто «повинен» в появлении жертвы. Если «в обмен» на понесенную жертву сторона не получила соответствующую компенсацию («ответный дар»), то она вправе предъявлять претензии к посягателю. Кроме того, считающая себя обиженной сторона, может целенаправленно конструировать образ врага, повинного в появлении жертвы и не возмевшего потерю, или образ врага, который представляет угрозу потерпевшей стороне и, возможно, не только ей.

В третьем параграфе «Формирование образа врага как реакция на появление «жертвы» автор исходит из того, что конструирование «жертвы» предполагает и формирование образа врага, который повинен в посягательстве на жертву. Автор выявляет и обосновывает следующие основания для «поиска» реальных и мнимых врагов: традиционные; социально-психологические; целерациональные; ценностно-рациональные; ситуационные; конъюнктурные; манипулятивные; стремление понизить статус (поразить в правах), названного врагом субъекта; опосредованная дружба или вражда по принципу: враг моего друга и мой враг, враг моего врага – мой друг; поиск «врага» как способ переложить свою вину на другого; исторические основания; стереотипы сознания; теоретико-методологические основания. Автор анализирует каждое из названных оснований и исследует механизмы и способы формирования образа врага. Формирующийся образ врага, по мнению автора, должен отвечать следующим требованиям: 1. Отвечать целям и задачам противоборствующей стороны, формирующей образ врага. 2. Выполнять оценочные функции с точки зрения существующих в социуме традиций, стереотипов, системы ценностей и мировоззрения. 3. Удовлетворять инструментальным потребностям: предоставлять информацию о реальной или мнимой угрозе, о количественных и качественных характеристиках врага, о возможных санкциях, которые могут быть применены в отношении врага, о величине ущерба, причиненного врагом и возможной компенсации. 4. «Разоблачать» антигуманную сущность врага и его преступные планы. 5. Способствовать внутренней консолидации стороны конфликта для борьбы с идентифицированным врагом. 6. Способствовать привлечению на свою сторону новых союзников.

В четвертом параграфе «Конструирование «жертвы» как способ управления социально-политическим конфликтом» автор показывает обоснованность предложенной им концепции конструирования «жертвы» на таких социально-политических конфликтах и конфликтных ситуациях как: 1) создаваемая президентом Украины и его сторонниками конфликтная ситуация, связанная с проблемой «голодомора» 1932 – 1933 гг. в Украине; 2) конструирование «жертвы-этноса» как способ управления сербско-косовском конфликтом (1998 - 1999 гг.). 3) попытка конструирования из Грузии «жертвы-страны», на примере югоосетинского конфликта (август – сентябрь 2008 г.); 4) конфликтная ситуация, возникшая после террористических актов 11 сентября 2001 года (США).

Управление понимается автором как систематическое, целенаправленное воздействие субъекта управленческой деятельности на управляемый объект с целью его упорядочения, сохранения, развития, придание объекту нового качественного состояния. Структура управления состоит из следующих основных элементов: *субъект управления, объект управления, ресурсы управления, цель управления*. По мнению автора, управление социально-политическим конфликтом, возможно на любой стадии развития конфликта. При этом основной целью управления конфликтом является создание выгодной для себя (субъекта управления) конфликтной ситуации. Конструируя определенный тип «жертвы», сторона конфликта может создавать выгодную для себя управляемую конфликтную ситуацию.

1. *Создание управляемой конфликтной ситуации путем конструирования «жертвы-народа» в Украине.* Наряду с общими закономерностями, процесс конструирования «жертвы-народа», по мнению автора, имеет и свои особенности: во-первых, актуализация образа предполагает выявление и актуализацию образа внутреннего или внешнего врага, виновного в появлении жертвы, во-вторых, образ «жертвы-народа» по своим количественным и качественным характеристикам должен быть весьма значительным, масштабным, чтобы он воспринимался как трагедия целого народа, в-третьих, народ, ставший жертвой, как правило, вызывает сочувствие у мировой общественности и может претендовать на определенные льготы в международных отношениях.

1) *Актуализация образа «жертвы».* События последних лет в Украине свидетельствуют о том, что украинский народ, по сути, разделился на два примерно равных по количественному составу и политическому весу лагеря: 1) сторонников прозападной ориентации (сторонников президента В. Ющенко), и 2) сторонников пророссийской ориентации (сторонников бывшего премьер-министра В. Януковича). При этом большинство украинцев выступают против вступления Украины в НАТО. Используя трагические события голодомора 1932 – 1933 гг., Ющенко пытается представить Россию как основного виновника гибели миллионов украинцев. Таким образом, конструируя «жертву-народ», Ющенко и его соратники одновременно формируют образ посягателя, образ враждебного украинскому народу государства – России. Если украинскому народу и мировой общественности удастся навязать конструируемые образы, то ряды сторонников Ющенко могут значительно возрасти. 2) *Значимость и масштабы формируемого «образа».* Одной из

проблем, возникшей у создателей образа «жертвы-страны», - проблема оценки реальных масштабов трагедии 1932 – 1933 гг. Так, по расчетам С. Максудова - одного из исследователей голодомора, общие потери Украины в годы Большого террора (1927 – 1937 гг.) варьируются от 3 до 4,5 миллионов человек. Непосредственно на время голода конца 1932 – 1933 годов приходится 2 – 2,5 миллиона человек¹¹. Количество замученных голодом людей по любым оценкам является запредельным. Но некоторые создатели образа называют цифры, на порядок превышающие научно обоснованные. Это, во-первых, увеличивает глубину и масштабы трагедии – конструируемый образ становится более весомым. Во-вторых, значительное завышение количества погибших на Украине выделяет эту страну, этот народ из общего «массива» пострадавших во время голода народов СССР. В-третьих, значительное увеличение количества жертв, прежде всего, увеличивает долю погибших украинцев в самой Украине. С методологической точки зрения здесь речь идет не только о стремлении повысить значимость создаваемого образа «жертвы», но и о такой процедуре как «приватизация» жертвы. 3) *Международное признание создаваемого образа «жертвы»* предполагает его легитимизацию. При этом ключевым является вопрос о том, в каком «статусе» признаётся имевшая место «жертва». В принятом Генеральной ассамблеей ООН в 2003 году «Совместном заявлении» голод в 1930-е годы на территории СССР был назван не геноцидом, а *трагедией* украинского народа. Однако в ноябре 2006 года Верховная рада Украины признала голодомор геноцидом. 6 декабря 2006 года Польский сейм также признал голод в Украине геноцидом украинцев. Вслед за Польшей аналогичные «признания» сделали: Конгресс США, парламенты Грузии, Литвы, Венгрии и некоторых других стран¹². Проходившая 3-го июля 2008 года в городе Астане парламентская ассамблея Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) признала факт голодомора на Украине. Документ был принят, несмотря на возражения делегаций России и Казахстана, пытавшихся доказать, что неправомерно отделять украинцев от других народов бывшего СССР. Неудачей президента Ющенко и его соратников можно считать то, что в резолюции ОБСЕ нет термина «геноцид».

Таким образом, в настоящее время и в самой Украине, и на международной арене развернулась политическая борьба за то, как

¹¹ Максудов С. Воссоздание памяти // Московские новости. № 18, 11-17 мая 2007. С. 30 – 31.

¹² Мастерков В. Польша – ходатай «голодомора» // Московские новости № 01 – 02, 19 – 25 января 2007. С. 5.

квалифицировать произошедшую в 30-е годы прошлого столетия на территории СССР трагедию. Выход из создавшейся (конструируемой) конфликтной ситуации, по мнению автора, может быть найден, если российская сторона предпримет ответные действия по выявлению реального количества пострадавших людей, как на территории Украины, так и в других регионах бывшего СССР, где происходили аналогичные события и назовет истинных виновников трагедии.

2. *Конструирование «жертвы-этнуса» как способ управления сербско-косовском конфликтом (1998 - 1999 гг.).* Роль «жертвы» в данном конфликте была определена албанскому населению Сербского края Косово (а по сути, косовской стороне конфликта). Сербская сторона представлялась в качестве посягателя. Косвенной стороной, поддерживающей косовских албанцев, являлись США и их союзники. Косвенная сторона, которая могла бы оказать реальную помощь Сербии (Югославии), в сложившейся конфликтной ситуации отсутствовала.

Процесс целенаправленного конструирования образа жертвы США и их союзники начали с *актуализации* проблемы многочисленных жертв, среди мирного населения. Для этой цели использовались многочисленные СМИ и различные дипломатические каналы. Результатом актуализации проблемы явилось создание Дипломатической миссии наблюдателей в Косово (ДМНК), которая с разрешения президента Сербии Милошевича (на которого было оказано давление со стороны «международной общественности») в конце 1998 г. была допущена в Косово.

В январе 1999 г. Миссия «открыла» захоронение в Рачаке, в котором якобы находились многочисленные тела убитых сербами албанских мирных жителей. Позже будет доказано то, что данное захоронение было создано специально и что найденные там тела принадлежат боевикам Армии освобождения Косово. Но на тот момент заранее подготовленная постановка удалась. Произошла, согласно исследовательской концепции, «приватизация» жертвы. Растиражированная многочисленными СМИ мнимая «жертва» стала «объективной реальностью». Сербскую сторону обвинили в целенаправленном уничтожении мирных албанцев. В марте 1999 г. авиация НАТО, без санкции Совета безопасности ООН, подвергла суверенную страну жестокой бомбардировке, в результате которой военная и экономическая мощь Сербии была подорвана. Сербию вынудили вывести свои войска из Косова. В зону конфликта были введены миротворческие войска KFOR (международные миротворческие силы), контроли-

руемые НАТО. По сути, произошло фактическое насильственное отделение Косова от Сербии. В феврале 2008 года Парламент сербского края Косово в одностороннем порядке провозгласил свою политическую независимость от Сербии. Последствия этого события еще предстоит осмыслить и пережить.

Таким образом, косвенная сторона сербско-косовского конфликта (США и их союзники), используя конструируемую ими «жертву», создала управляемую ею конфликтную ситуацию и достигла своих целей в конфликте - расчленения Сербии.

3 *Попытка конструирования «жертвы-страны», на примере югоосетинского конфликта (август – сентябрь 2008 г.).* После подписания 24 июня 1992 года в городе Сочи четырехстороннего российско-грузинско-осетинского (Северная и Южная Осетия) Соглашения о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта и до начала грузинской агрессии на Южную Осетию (в ночь на 8-е августа 2008 г.), сложилась относительно устойчивая конфликтная ситуация. Грузинская сторона, подписав четырехстороннее Соглашение, по сути, признала факт имевшего место военного конфликта с Южной Осетией. Поэтому Южная Осетия на момент подписания Соглашения признавалась Грузией в качестве стороны конфликта. Позднее президент Грузии Саакашвили будет отрицать этот факт.

Россия, в соответствии с четырехсторонним Соглашением, получила статус «третьей стороны», и ввела в зону разделения конфликтующих сторон свой миротворческий контингент. Позднее миротворческий статус России был признан такими организациями как ОБСЕ и ООН. Наряду с выполнением миротворческих функций, Россия вынуждена была оказывать Южной Осетии экономическую и гуманитарную помощь. Поэтому ее можно считать также косвенной стороной, поддерживавшей Южную Осетию, находившуюся в условиях экономической блокады.

23 ноября 2003 года, в результате так называемой «революции роз» к власти в Грузии пришел ставленник США М. Саакашвили. С этого времени политическое руководство Грузии четко обозначило свои внешнеполитические ориентиры, которые заключались в следующем: 1) непримиримая конфронтация с Россией; 2) курс на вступление в военно-политический блок НАТО; 3) подготовка к силовому решению территориальных споров с Абхазией и Южной Осетией. Используя финансовую и военную помощь США и некоторых других стран, Грузия стала усиленно вооружаться.

Целенаправленное конструирование из Грузии «жертвы-страны», по сути, началось с приходом к власти президента Саакашвили. Периодически инициируемые грузинской стороной провокации с российскими миротворцами, находившимися в зонах разделения конфликтующих сторон, интерпретировались подконтрольными США средствами массовой информации как посягательство «большой и кровожадной» России на «маленькую, но гордую, демократическую» Грузию. Таким образом, шла подготовка мирового общественного мнения к тому, что Россия является потенциальным агрессором, а Грузия – «жертвой».

Внезапное нападение грузинских войск на Южную Осетию в ночь на 8-е августа 2008 г., по-видимому, было рассчитано на быструю победу. Но благодаря вмешательству российских регулярных войск, этим планам не суждено было сбыться. С этого момента начинается новый этап конструирования из Грузии - уже фактического агрессора - «жертвы-страны». Многочисленные западные СМИ, до этого замалчивавшие факт грузинской агрессии и наличие многочисленных жертв среди мирных осетинских жителей, как по команде стали обвинять Россию в агрессии против «беззащитной» Грузии. По просьбе Грузии, США и России, сразу после начала боевых действий, состоялись три заседания Совета Безопасности ООН, на которых Соединенные штаты и их союзники пытались навязать Совету Безопасности резолюцию, в которой Россия позиционировалась как «агрессор», а Грузия представлялась «жертвой». И только благодаря тому, что Россия обладает в Совете правом «вето», такая резолюция не была принята.

На обвинения в агрессии, Россия предприняла целый ряд ответных мер. Президент Д. Медведев и премьер В. Путин провели несколько встреч с российскими и зарубежными журналистами, на которых излагали свою точку зрения на происходящие события. Была организована поездка западных журналистов в разгромленный грузинскими войсками город Цхинвал. Одним из ключевых моментов в объективном освещении конфликта стала встреча Д. Медведева с президентом Франции Н. Саркози, и поездка министра иностранных дел Франции в Цхинвал. На встрече двух президентов был разработан план урегулирования грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов, состоящий из шести пунктов, который был подписан всеми конфликтующими сторонами, а также Россией и Францией. Позитивную роль в объективном освещении югоосетинских событий сыграл Интернет, который оказался менее предвзятым, чем прозападные СМИ.

К концу августа мировое общественное мнение стало склоняться к тому, что грузинской стороной все же была совершена агрессия в отношении мирных жителей Южной Осетии. В рамках расследования уголовного дела о геноциде народа Южной Осетии на начало сентября 2008 года была установлена гибель 1692 человек. Еще 1500 человек получили ранения. В Гаагский трибунал по правам человека было направлено более 300 исков от граждан Южной Осетии, пострадавших в результате агрессии Грузии. Таким образом, Соединенным Штатам, Грузии, и их сторонникам не удалось навязать мировому сообществу конструируемый из Грузии образ «жертвы-страны». Не удалось также представить Россию в качестве агрессора, т.е. сформировать из России образ врага.

4. *Конструирование «многофункциональной жертвы» американскими СМИ и администрацией Белого Дома после террористических актов 11 сентября 2001 года (США).* Автор приходит к выводу, что данный теракт был весьма эффективно использован США для конструирования «многофункциональной жертвы», которая стала использоваться администрацией Соединенных Штатов в качестве оправдания своей последующей агрессивной внешней политики. Сразу же после теракта президент США Буш сделал заявление о том, что его страна стала жертвой международного терроризма («жертва-страна»), и что отныне Соединенные Штаты имеют все основания наносить ответные удары по террористам в любой точке мира. Одновременно шел процесс конструирования образа «жертвы-трагедии». Суть данного образа заключается в том, чтобы представить произошедшее событие как удар судьбы. Сконцентрировав внимание людей на трагизме попавших в ситуацию жертв, и намерениях проявить заботу о пострадавших людях, администрация США вывела из-под критики и наказания своих сотрудников, отвечающих за безопасность страны. Популярность президента Буша при этом даже возросла. Следующий аспект «многофункциональной жертвы» - «жертва-утрата». В процессе формирования образа «жертвы-утраты», на первый план выдвигаются количественные характеристики пострадавших. В результате теракта 11 сентября 2001 г. погибли 2750 мирных жителей. Это самый жестокий и кровавый теракт в истории США. Все это дает весомые основания для поиска и наказания виновников произошедшего события. Одновременно шел процесс конструирования «жертвы-героя» и других типов «жертвы». Каждый из типов «многофункциональной жертвы», по мнению автора, играет свою роль в

конфликте и в политических отношениях, и в зависимости от потребностей создателей «жертвы» может актуализироваться в той или иной ситуации.

Проведенный анализ реальных конфликтных ситуаций и конфликтов, по мнению автора, в целом подтверждает выдвинутую в начале исследования гипотезу о том, что целенаправленное конструирование «жертвы» является одним из способов управления конфликтом.

В **Заключении** констатируется, что приведенное исследование подтверждает актуальность заявленной темы. Выбранная автором стратегия диссертационного исследования вполне себя оправдала. Выдвинутые в начале исследования гипотезы подтвердились. Поставленные задачи в основном решены. Подводя основные итоги диссертационного исследования, автор формулирует выводы и обобщения, определяет проблемы, требующие дальнейшей разработки.

Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в следующих публикациях автора:

Монографии:

1. *Козырев Г.И.* Конфликтный социум. Монография. М.: Изд-во Экслибрис-Пресс, 2006. 238 с. (15 п.л.)
2. *Козырев Г.И.* Политический конфликт: общее и особенное. Монография. М.: Изд-во Экслибрис-Пресс, 2007. 327 с. (20,5 п.л.).
3. *Козырев Г.И.* «Жертва» в структуре социально-политического конфликта. Монография. М.: Изд-во Экслибрис-Пресс, 2008. 167 с. (10,5 п.л.).

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, по перечню ВАК:

4. *Козырев Г.И.* «Социология конфликта» в техническом вузе. Программа курса «Социология конфликта» // «Социологические исследования». 1994. № 10. С. 133 – 136. (0,4 п.л.).
5. *Козырев Г.И.* Социальный конфликт в общественной жизни // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 1. С. 103- 121. (0, 8 п.л.).
6. *Козырев Г.И.* Внутриличностные конфликты // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 2. С. 102- 111. (0, 45 п.л.).

7. *Козырев Г.И.* Межличностные конфликты // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 3. С. 82 - 91. (0, 45 п.л.).
8. *Козырев Г.И.* Группа и конфликт// Социально-гуманитарные знания. 1999. № 6. С. 106 - 121. (0, 45 п.л.).
9. *Козырев Г.И.* Конфликт в социально-педагогическом процессе // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 2. С. 118 - 135. (0, 8 п.л.).
10. *Козырев Г.И.* Структура и функции организации: конфликтологический аспект // Социально-гуманитарные знания. 2001. №1.С.112-122. (0,5 п.л.).
11. *Козырев Г.И.* Конфликты в организации // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 2. С. 136 - 150. (0, 7 п.л.).
12. *Козырев Г.И.* Международный политический процесс // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 2. С. 98 - 110. (0, 7 п.л.).
13. *Козырев Г.И.* Политика как общественное явление // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 1. С. 134 - 142. (0, 4 п.л.).
14. *Козырев Г.И.* Социальные процессы и изменения // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 113 – 119. (0,7 п.л.).
15. *Козырев Г.И.* Социальные действия, взаимодействия и изменения // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 98 – 110. (0,9 п.л.).
16. *Козырев Г.И.* Может ли внутриличностный конфликт быть кентавр-проблемой? //Социологические исследования. 2005. № 8. С. 112 – 118. (0,7 п.л.).
17. *Козырев Г.И.* Понятие и роль «жертвы» в структуре социального конфликта // Социология. 2007. № 2. С. 98 – 106. (0,8 п.л.).
18. *Козырев Г.И.* «Враг», (образ врага) в общественных и политических отношениях // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 112–121. (0,9 п.л.).

Статьи

19. *Козырев Г.И.* Некоторые проблемы детерминации общественных отношений и политической деятельности в социалистическом обществе / Актуальные теоретические вопросы строительства социализма Веспрем, Венгрия. Международная научная конференция. 1988. С. 37 – 45. (0,4 п.л.).
20. *Козырев Г.И.* Развитие социальной активности масс в условиях научно-технического прогресса / Социально-экономические проблемы ускорения научно-технического прогресса. М. 1989. С. 116 – 122. (0,35 п.л.).
21. *Козырев Г.И.* Некоторые проблемы развития политической культуры молодых специалистов в условиях демократизации советского общества / Гу-

манизация политической и профессиональной культуры будущего специалиста. М.: МХТИ 1991. С. 168 – 189. (0,9 п.л.).

22. *Козырев Г.И.* Социологические исследования как средство формирования и развития политической культуры / Актуальные проблемы социологии культуры образования и воспитания. М.: МГУ, 1992. Деп. В ИНИОН АН РФ. № 75751. (0,5 п.л.).

23. *Козырев Г.И.* Есть у революции начало – нет у революции конца. Читая П. Сорокина // «Менделеевец» № 6 март 1996. С. 4 – 5. (0,4 п.л.).

24. *Козырев Г.И.* Россия сегодня: революция или контрреволюция? // Человек в научной и философской картине мира XXI века. Всероссийская научная конференция. Часть 2. Курск, 1996. С. 130 – 131. (0,15 п.л.).

25. *Козырев Г.И.* Проблемы и перспективы конфликтологического образования в России / IV конгресс «Общественное развитие и общественная информация» (в рамках 6-го. Международного форума информатизация.МФИ-97).Секция «Общественные науки, системы и информация». М. 1997. С. 48 - 50. (0,15 п.л.).

26. *Козырев Г.И.* Введение в конфликтологию. Учебное пособие для вузов. М. ВЛАДОС. 1999. 176 с. (11 п.л.). Гриф Министерства образования РФ.

27. *Козырев Г.И.* Проблемы насилия в теории, в массовом сознании и реальной жизни // Вестник МГУ, серия Философия № 6. 2000. (0,8 п.л.).

28. *Козырев Г.И., Косых И.В.* Роль и значение конфликтологии в системе юридического образования / Проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. Часть 3. Право М.Изд. М ИКХиС. 2001.С.82 – 87. (0,3 п.л.)

29. *Козырев Г.И.* Конфликты и стрессы / Подготовка специалистов в области проблем устойчивого развития. Материалы научно-практического семинара М. 2004. (0,2 п.л.).

30. *Козырев Г.И.* Предупреждение, разрешение и управление конфликтами в организации / Управление корпоративной безопасностью в малом, среднем бизнесе и образовании. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (16-17 апреля 2004 года) М. 2004. С. 52 – 54. (0,15 п.л.).

31. *Козырев Г.И.* Социология. Учебное пособие. М.: Академический Проект. 2005. 304 с. (15,96 п.л.). Гриф УМО.

32. *Козырев Г.И.* Сторона социального конфликта: понятие, структура / Тезисы докладов и выступлений Всероссийского социологического конгресса «Глобализация и социальные изменения в современной России. В 16 т., М., 2006. Том 15. С. 79 – 82. (0,15 п.л.).

33. *Козырев Г.И.* Особенности политического конфликта / Социальные институты, процессы и практики современной России. М.: Экслибрис-Пресс. 2007. С. 57 – 68. (0,45 п.л.).

34. *Козырев Г.И.* Конфликт во благо // Компас. Пилотный номер. М., 2007. С. 71 – 74. (0,5 п.л.).

35. *Козырев Г.И., Косых И.В.* Конфликтная структура личности / Социальные институты, процессы и практики современной России. М.: Экслибрис-Пресс. 2007. С. 100 – 109. (0,4 п.л.).

36. *Козырев Г.И.* Об особенностях политического конфликта // Вестник Моск-го у-та. Серия 12. Политические науки. 2007. № 4. С. 68 -77. (0,4 п.л.).

37. *Козырев Г.И.* Основы конфликтологии. Учебник. М.: ИД – «ФОРУМ» – ИНФРА-М., 2007. 320 с. (20 п.л.). Гриф Министерства образования РФ.

38. *Козырев Г.И.* «Жертва» как социальный феномен и предмет исследования социологии конфликта / Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических дисциплин. М.: Экслибрис-Пресс. 2007. С. 174 – 185. (0,45 п.л.).

39. *Козырев Г.И.* Конфликтный потенциал реальных и мнимых «жертв» в современной России / Социокультурные проблемы современного российского общества. М.: Экслибрис-Пресс. 2008. С. 132 – 145. (0,5 п.л.).

40. *Козырев Г.И.* Политическая конфликтология. Учебное пособие для вузов. М.: ИД – «ФОРУМ» – ИНФРА-М., 2008. 432 с. (27 п.л.). Гриф УМО.

41. *Козырев Г.И.* Политика, мораль, нравственность / Социокультурные проблемы современного российского общества. М.: Экслибрис-Пресс. 2008. С. 145 – 156. (0,5 п.л.).

42. *Козырев Г.И.* Политология. Учебное пособие для вузов. М.: ИД – «ФОРУМ» – ИНФРА-М., 2009. 368 с. (22 п.л.). Гриф НМС.

43. *Козырев Г.И.* Понятие «жертва» в общественных науках / Социокультурные проблемы современного российского общества. М.: Экслибрис-Пресс. 2008. С. 121 – 132. (0,45 п.л.).

Заказ № 51

Объём 2,625 п.л.

Тираж 100 экз.

Издательский центр РХТУ им. Д.И.Менделеева